

индо-иранских поэтических формул с ключевым словом *ṛtá-/aša-*⁴⁴ снова возвращает нас к теме сакральной отмеченности соответствующего понятия. Она же в свою очередь многое объясняет в возникновении той парадоксальной ситуации семантического сгущения, когда «синхроническое» и «диахроническое» идут бок о бок, взаимно отражаясь друг в друге. Вед. *ṛtá* реализует именно такую ситуацию.

Л. А. Сараджева

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДООЕРОПЕЙСКОЙ БОТАНИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сравнительное изучение лексики родственных языков, в том числе армянского и славянских, предполагает суммарный анализ семантической филиации слов, их потенциала, характера и соотношения семантических полей, различных комплексов и пучков значений и основных тенденций семантического развития с одновременным учетом как данных других лингвистических дисциплин, в частности, этно- и палеолингвистики, так и данных истории и археологии.

В последнее десятилетие арменистами уделялось особое внимание сравнительному изучению таких семантических групп армянского языка, как названия животных, термины родства, глаголы движения и говорения, временные и цветовые обозначения и т. д., причем они изучаются как на общеиндоевропейском уровне, так и в сравнении с отдельными группами языков.

Кроме специальной задачи — изучения ботанической терминологии в указанных языках большой интерес представляет также то обстоятельство, что данная группа слов может пролить свет не только на характер растительности индоевропейского региона в прошлом, но и способствовать выявлению широкого круга представлений, соотносимых одновременно с несколькими аспектами культуры.

Несомненно, что хозяйственная деятельность древних индоевропейцев была в постоянном взаимодействии с окружающей средой: ландшафтом, климатом, фауной, флорой. Слабая вычлененность человека из природы подчиняла его сознание чередованиям времен года и способствовала антропоморфизации окружающего мира. Значительную долю влияния на жизнь индоевропейца оказывала растительность: собирательство наряду с охотой и рыболовством — одно из древнейших занятий человека.

Iranian Journal, 1960, v. 4, p. 154—159 (подведение итогов дискуссии по этому тексту).

⁴⁴ См.: *Mayrhofer* 4, S. 654—655 (с литературой вопроса).

Во-первых, плоды диких растений служили пищей. В частности, имеются свидетельства древних авторов о том, что такой пищей были желуди: ими питались германцы, греки (аркадяне, к примеру, назывались желудеедами — βαλανηφάγοι), в свайных постройках долины По найдены и желуди, в больших количествах сложенные в глиняные сосуды, по всей вероятности, они служили пищей человеку. Питались ли славяне, подобно германцам, также жареными желудями, точно не засвидетельствовано, но это весьма вероятно: археологами, к примеру, были найдены в большом количестве желуди на Пастерском городище у Чигирина на Киевщине.

Следует специально сказать и о таких растениях, как мята и чеснок, которые служили приправой к пище: арм. *datjn, detjn* 'мята — *Menta viridus*' из и.-е. **dhel-* 'цвести, зеленеть', арм. *xstor* 'чеснок — *Allium paniculatum*' из и.-е. **skhodoro-*; рус. *черемша*, лит. *kermūše* 'дикий чеснок — *Allium ursinum*', при греч. *κρόμβιον* 'лук' < и.-е. **kerem-* 'вид чеснока'.

Во-вторых, индоевропейцы, как свидетельствуют языковые данные, были знакомы и с лекарственными растениями: ср., с одной стороны, арм. *det* 'лекарственная трава, лекарство из травы' < **dhel-*, при *dalar* 'зелень' < **dhāl-* 'цвести, зеленеть', с другой — рус. *зелье* 'лекарство из травы', при *зелень* < и.-е. **ǵhel-* 'блестеть, желтый, зеленый'. Языковые данные подкрепляются и экстралингвистическими (в частности, этнографическими) фактами¹. К примеру, у славян и германцев было известно такое растение, как *девясил* — нем. *Neunkraft* — *Inula helenium* L., обладающее тонизирующими свойствами и излечивающее, согласно народным представлениям, от девяти болезней, в частности, оно было действенным средством против чумы. У армян особо почиталось растение *loštak* — *Bryonia alba mandragora* по форме напоминающее человеческое тело и, по народным преданиям, излечивающее самые тяжелые болезни. Помимо мандрагоры, были и другие растения, известные своими целебными свойствами, в частности, *pen(u)naŷ* < араб. — *Raeonia officinalis*, диал. *kahanayik*, букв. 'попик', *xatap'ayt* (*xat* 'игра' + *p'ayt* 'дрова'), букв. 'палка для игры' и др.

В-третьих, значительный интерес с точки зрения истории культуры представляют древние фитолатрические воззрения и связанные с ними религиозные представления, восходящие к эпохе индоевропейской языковой общности, в особенности, выявление

¹ Из специальной литературы отметим: *Флоринский В. М.* Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1880; *Материалы для истории медицины в России*, т. I—IV. СПб., 1881—1906; *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960; *Оганесян Л. А.* История медицины Армении с древнейших времен, ч. 1. Ереван, 1946; *Гаспарян Г. К.* История армянской лексикографии. Ереван, 1968 (на арм. яз.); *Амалян Р. М.* Лексикографические памятники средневековой Армении, I—II. Ереван, 1966, 1971 (на арм. яз.).

Такого рода воззрений в армянской и славянской фольклорной традиции.

Пласт армяно-славянских лексических сходжений в области ботанических обозначений неоднороден как в генетическом, так и хронологическом отношении, что обусловлено известными факторами культурно-исторического порядка: природными условиями, традициями, культурными контактами, религиозными запретами и т. д.

Помимо этого следует принять во внимание и такие экстралингвистические факторы как миграции носителей языка и изменение растительности в связи с изменением климата, что, безусловно, также получило отражение и в языке.

Тем не менее и в армянском и славянских языках сохранилось известное количество индоевропейских ботанических обозначений, среди них представляется возможным дифференцировать: а) параллели, разделяемые большинством индоевропейских языков; б) параллели, имеющие распространение в определенных ареалах; в) эксклюзивные армяно-славянские изоглоссы.

Целесообразно индоевропейские ботанические обозначения, отражаемые и армянским и славянскими языками, рассмотреть в следующей последовательности: 1) названия растения и его частей; 2) названия отдельных видов растений (кроме деревьев); 3) обозначения деревьев.

Однако точно придерживаться данного деления не всегда возможно, так как при процессе номинации растений прослеживаются метафорические переходы, переносы значения, замена по той или иной причине одного признака наименования другим, переходы от части к целому, от общего к частному и т. д.

Среди названий первой группы можно указать на два сходжения, совпадающих по значению и форме, разделяемых армянским и славянскими языками.

Одно из них является эксклюзивной изоглоссой: арм. *koṭr* 'ветвь', прасл. *gōlь, рус. *голья*, укр. *гілля* 'ветвь', блр. *голлэ* собир. 'сучья', словен. *gol* 'очищенный от сучьев ствол молодого дерева', чеш. *hůl* 'палка, ветка'. Для этих слов восстанавливается общий корень **gol-*².

Второе сходжение охватывает, кроме армянского и славянского, также индоиранский и балтийский, т. е. выступает в качестве изоглоссы юго-восточного ареала: арм. *s'ax* 'ветвь', ст.-слав. болг., с.-хорв., др.-рус., рус. *соха* 'виллообразная ветвь', рус. диал. *посошье* (известное в русских говорах Прибалтики — так называют растение *Acogus salatus* или аир), др.-инд. *ṣakha* 'ветвь, сук', н.-перс. *šax* 'ветвь, сук, 'рог', лит. *šakà* 'ветвь, сук, развилина', лтш. *saka* 'разветвление дерева'. Для всех этих слов восстанавливают праформы **kak-*, **kakhā-*³.

² Фасмер I, с. 434; Pokorny, S. 403.

³ Фасмер III, с. 729.

Можно было усмотреть в качестве общей армяно-славяно-балтийской изоглоссы арм. *ptut* 'плод', *ptuk* 'росток', *put*, диал. *ptik* 'вид растения — Anemone Armena'⁴ и праслав. *bъdla 'гриб' (чеш. *bedla*, польск. *bedla* 'гриб — Agaricus', рус. диал. (псков., новг.) *блицы*⁵ — собирательное название грибов, лит. *budis* 'гриб', в частности, 'груздь'⁶, восходящие к и.-е. корню **bh(e)ǵ-* 'вдуться, набухать' с общим дентальным детерминативом. Однако этому препятствуют: во-первых, значительная разница в значении армянских и балто-славянских слов; во-вторых, тот факт, что приведенные формы охватывают не все славянские языки; в-третьих, наличие того же корня в некоторых германских диалектах, причем с весьма близкой к армянскому семантикой: ср.-н.-нем. *botte*, нидерл. *but* 'росток'⁷.

Все же эта армяно-славянская параллель представляет определенный интерес, так как приведенные слова восходят к общему корню и относятся к единому семантическому полю, между тем как в других индоевропейских языках, за исключением балтийского и некоторых германских диалектов, подобного развития значений не наблюдается.

Таким образом, как видно из приведенных выше примеров, собственно армяно-славянские изоглоссы, разделяемые частично и другими языками, являются, в частности, названиями в е т в и растения. Что же касается общего названия для растения и других его частей, то здесь нет параллелей, которые можно было бы возвести к эпохе индоевропейской общности: обозначение растения в индоевропейском языке-основе не засвидетельствовано⁸: это абстрактное понятие развилось самостоятельно на почве отдельных индоевропейских языков. Более или менее явную параллель в обозначении растения можно провести лишь между армянским и греческим языками, причем оба языка развили и частные значения: арм. *boys* 'растение' при *biṅ* 'корень' и греч. *φύβον* 'растение, побег, отводок'. Эти слова восходят к и.-е. корню **bheǵ-* 'расти, развиваться, существовать'⁹, который в славянских языках также дал ботанические названия: 1) собирательное — 'трава, ботва, куст': прасл. *byľь, ст.-слав. *былие* 'трава, а также лекарство из травы', с.-хорв. *билье*, словен. *bilje*, рус. *былье* 'трава, ботва', чеш. *býlí* 'сорная трава', польск. *byle* 'куст'; 2) 'отдельный вид растения': праслав. *čьrno-byľь — *Artemisia vulgaris* L., с.-хорв. *чрно-бил*, *чрно-билник*, словен. *črna bil*, рус. *черно-быль*, чеш. *černo-byľ*, польск. *bylica* 'полынь' — *Artemisia absinthium* L.; 3) 'часть растения': укр. *билля* 'стебель'¹⁰.

⁴ Джаукян Г. Б. Введение в армянскую диалектологию. Ереван, 1972, с. 301 (на арм. яз.).

⁵ Pokorny I., S. 100; Фасмер I, с. 176.

⁶ Trautmann, S. 190.

⁷ Pokorny I, S. 101.

⁸ См. соответствующий раздел словаря Бака, с. 486—535.

⁹ Pokorny I, S. 326; Ачарян I, с. 469—470.

¹⁰ Фасмер I, с. 259—260.

В свою очередь, в славянских языках общее название растения восходит к и.-е. **er-* 'подниматься, быть в движении'¹¹, праслав. *orsti, *orstq, откуда многочисленные производные образования, обозначающие растение (например, в рус. *растение* а из ст.-слав., чеш. *rostlina*; польск. *roślina*, в том же значении и т. д.).

В армянском из этого же корня развилось лишь ботаническое название части растения: арм. *arm*, *armn* и *armat* 'корень', причем в этом случае, кроме армянского и славянских, и.-е. корень **er-* для обозначения ботанических наименований используется только греческим и албанским языками: греч. ὄρμενος 'росток, стебель', алб. *rit* 'расту'¹².

Таким образом: 1) при образовании общего обозначения растения в армянском и славянских языках наблюдается любопытная семантическая ситуация: обозначение растения в армянском соответствует частным обозначениям в славянских и, напротив, обозначение растения в славянских соответствует частным обозначениям в армянском; 2) к армянскому и славянским в обоих случаях примыкает греческий с более близкими к армянскому параллелями, во втором случае примыкает только албанский язык, причем в албанском — вербальное образование *rit* 'расту'; 3) в остальных языках индоевропейские корни **bheǵ-* и **er-* не развили номинаций, относящихся к ботаническим наименованиям.

В обозначении стебля и ствола растения армянский и славянские не обнаруживают общности, имея ареальные связи с другими языками.

Из обозначений второй группы, относящихся к отдельным видам растений, следует отметить армяно-славянские параллели в обозначении мха — *Muscus*: арм. *tamur* 'мох, плесень', ст.-слав. мѣхъ, болг. мѣх, с.-хорв. мѣх, 'мох, плесень', рус. *мох*, чеш., польск. *mech* 'мох' и т. д., восходящие к и.-е. корню **meus-*¹³. Помимо армянского и славянских, данную лексическую изоглоссу разделяют балтийские, латинский и германские языки: лит. *mūsos*, лат. *muscus* 'мох', др.-в.-нем. *mos*, 'мох, болото', англ. *meos* 'мох.' По своему образованию армянское слово стоит особняком, основываясь на редупликационной модели (*tamur* < *me-mus-ro)¹⁴.

Если о названии мха можно говорить как об индоевропейской диалектной изоглоссе, то для некоторых общих армянскому и славянским языкам названий растений следует констатировать лишь параллельное семантическое развитие на основании признака, восходящего к общему корню. К подобным наименованиям относятся в первую очередь обозначения колючих растений, продолжающих и.-е. корни **ak-*, **ok-* 'острый': ср. арм. диалектное

¹¹ Pokorny I, S. 326; Фасмер III, с. 445—446.

¹² Meillet A. Le slave commun. Paris, 1934, p. 215; Persson P. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala, 1912, S. 343.

¹³ Pokorny I, S. 742; Фасмер II, с. 665.

¹⁴ Ср.: Solta G. R. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960, S. 176.

(карабахск. диал.) *osi* 'колючее растение'¹⁵ и славянские обозначения осота — *Cirsium*: праслав. *osъtъ, ст.-слав. *осътъ*, болг. *осът*, с.-хорв. назв. мест. *Осам*, словен. *oset*; рус., укр. *осот*; чеш., польск. *oset*. От этого же корня в славянских языках образованы и другие ботанические обозначения, в основе которых лежит семантический признак 'острие' (ср. к примеру, рус. *осока* — *Carex*, *ость* и т. д.)¹⁶.

Подобное развитие значения наблюдается в греческом, а также в некоторых балтийских и германских языках: греч. *ἄκανθος* 'чертополох — *Cirsium*', *ἄκανθα* 'острие, шип', *ἄκανθος* 'колючка', др.-прус. *uckons* — *Carex*, швед. диал. *ag* 'болотная трава — *Gladium mariscus*'¹⁷.

Многочисленные названия растений восходят также к близким по значению характерным и.-е. корням **uel-* 'вращать, обвивать, крутить' и **uei-* 'вращать, сгибать'. В армянском от корня **uel-* образованы наименования растений, обладающих способностью цепляться, виться и т. п.: арм. *galjn* — *Convolvulus*, *gelj* 'вьюнок', а также *galtikur* 'подорожник — *Plantago maior*'¹⁸; в славянских от **uei-* образованы: рус. *повилика* — *Convolvulus*, *вьюн*, *вьюнок*, укр. *повій*, *повійка*, болг. *повитица*, с.-хорв. *повивка*, словен. *povitec*, польск. *powój*. Подобное семантическое развитие значения, причём от корня **uel-*, прослеживается и в латинском названии — *Convolvulus*.

К индоевропейскому корню **khvodo-* некоторые исследователи возводят арм. *xot*, род. п. -*ou* 'трава' и славянские обозначения хвоща¹⁹ — *Equisetum hiemale*: рус., укр. *хвоц*, блр. *хвошч*, ст.-польск. *chwoszczki* pl., совр. *chwoszcz*, словен. *chvošč* болг. *хвоц* и т. д. Данные обозначения в славянских языках ассоциируются с пучком волос, хвостом²⁰.

Из слов третьей группы можно указать, в первую очередь, на такую важную эксклюзивную изоглоссу в обозначении хвойных деревьев, как арм. *elevin* 'ель, кедр' и праслав. *jalovъ-сь, рус. *яловец*, укр. *яловець*, чеш. *jalovec*, польск. *jałowiec* 'можжевельник'²¹, восходящие к и.-е. **el-* 'красный, коричневый'. Армяно-славянский ареал противопоставляется другим ареалам в обозначении хвойных пород: с одной стороны, греческо-германо-кельто-балто-фракийскому (греч. *πέυκη* др.-в.-нем. *fiuhta*, ирл. *ochtach* < *ruk-tako, балт. *riaušē, лит. *pušis*, др.-прус. *peuse*, фрак. в оно-

¹⁵ Этимология Джаукяна Г. Б., см.: Джаукян Г. Б. Введение в армянскую диалектологию, с. 293.

¹⁶ Ср., может быть, арм. *hask* 'колос' и ст.-слав. *осът*.

¹⁷ Meillet A. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, p. 209.

¹⁸ Ачарян I, с. 506—507.

¹⁹ Pettersson H. — KZ, 47, S. 278; Ачарян III, с. 402; Фасмер IV, с. 232.

²⁰ Подобная ассоциация значений намечается и в других названиях растения: ср., с одной стороны, ст.-польск. *koński ogon*, польск. диал. *koci ogon*, *lisi ogon*; болг. диал. *конска опашка* и т. д., с другой стороны, лат. *setum* < *saeta 'щетина, жесткие волосы у животных'.

²¹ Фасмер IV, с. 554; Ачарян II, с. 18.

мастике Πεϋκη < и.-е. **peuk-* 'колоть'²², с другой стороны, латинскому и индийскому (лат. *picea* и *pinus* др.-инд. *pītu-dāru* — *Pinus Deodora Roxb.* < и.-е. **pei(ə)-*, **pī-* 'смолистый')²³.

Если в основе наименования в армяно-славянском ареале лежит цвет, то в других ареалах обнаруживаются иные признаки: 1) 'колоть, колючий' < **peuk-*; 2) 'смолистый' < **pei(ə)-*, **pī-*.

В качестве эксклюзивной изоглоссы часто приводится также армяно-славянское обозначение смолы, живицы, возводимые к и.-е. **g^hiu-*: арм. *kiv* 'древесная смола' и рус. *живица* 'белая сосновая смола', укр. *живица*, чеш. *živice*, в.-луж. *žywica*, н.-луж. *žywica* 'смола'. Примечательно, что в таких близких к славянским языкам, как балтийские, наименование смолы восходит к и.-е. **de-reu(o)-*, обозначающему по преимуществу дерево, древесину: лит. *darvā* 'смола, вар', лтш. *darva* 'смола', аналогично обозначение смолы и в германских языках: др.-сев. *tjora*, др.-англ. *teoru*, *tierwe*, ср.-в.-нем. *tere* 'смола, живица'²⁴.

Для армянского и славянских языков общим является также название ясеня — *Fraxinus*, восходящее к и.-е. **ǵs-*: арм. *hac'i*, праслав. *asenj/*asenъ* (рус., укр. ясень — *Fraxinus excelsior*, болг. *ясен* — *Fraxinus*, с.-хорв. *jăcěn*, словен. *jasen*, *jesen*, чеш. *jasan*, польск. *jesion* — *Fraxinus excelsior* и т. д.)²⁵, причем это наименование выступает также в греческом, германских, балтийских, кельтских, латинском и албанском языках.

По суффиксальному образованию здесь явно выделяется два ареала: 1) с суф. **-k* и 2) с суф. **-en*: по первому признаку армянский язык объединяется с германским, греческим и албанским, обнаруживая при этом наибольшую близость с германскими языками, так как расходится с двумя последними по значению: ср. др.-исл. *askr* 'ясень', алб. *ah* 'бук', греч. *οὔζη*, 'бук', 'копье'²⁶. Славянские языки по второму признаку образуют другой ареал вместе с латинским и кельтским: лат. *ornus osonus*, 'вид ясеня', др.-ирл. *hwinnius*, кимр. *onnen*, брет. *ounnen*²⁷. Особняком стоят балтийские языки: лит. *úosis*, лтш. *uosis*, *uoss*, др.-прус. *woasis* 'ясень'²⁸. При этом их объединяет со славянскими формами долгота корневого гласного, в остальном же они отличаются по структуре, причем и то и другое обозначение самостоятельно восходят к и.-е. **ǵs-*.

И в армянском и в славянских языках хорошо сохранилось древнее индоевропейское название желудя, имеющее соответствие также в балтийских, греческом и латинском языках: и.-е. **g^helə-*, арм. *kaṭin* 'желудь', праслав. *želqǫbь, лит. *gilė*, лтш. *dzīle*, греч.

²² Pokorny I, S. 828.

²³ Там же, с. 793.

²⁴ Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, с. 217.

²⁵ ЭССЯ 1, с. 79.

²⁶ Kluge — Götze, S. 179.

²⁷ F. Solmsen — KZ, Bd. 34, прим. 1, S. 32.

²⁸ Vondrák I, S. 77.

βάλανος, лат. *glans*²⁹. От этого же корня в армянском образовано и название дуба *kałni* — *Quercus*, в противоположность и.-е. названию дуба **perk^hos*. В связи с этим интересно отметить отзвуки древних верований предков армян и славян. В славянских языках и.-е. название дуба **perk^hos-* сохранилось в названии верховного божества Перуна, которое соотносится как с лит. *Perkūnas*, лтш. *Perkōns*, прус. *Perkuns* (перв. зн. 'дубовый бог'), так и с лат. *quercus* 'дуб'. В этом названии, как неоднократно отмечалось исследователями³⁰, продолжают общиндоевропейские традиции, которые связывались с почитанием дуба. Аналог языческого почитания дуба прослеживается и в армянской фольклорной традиции, причем в виде реликтов культ дуба сохранился и в христианскую эпоху. Обычно дерево, являющееся объектом почитания, отличается огромными размерами, его считают священным и верят, что оно может излечивать от болезней. Более поздние христианские обряды наложились на древние языческие, в результате чего священное дерево может называться дерево-крест (например, священный дуб в Геташене: *kałni-xač*)³¹.

Среди армяно-славянских генетических совпадений, относящихся к рассматриваемой области, следует особо выделить тот случай, когда только в одной из сравниваемых групп языков сохранилось первичное значение, восстанавливаемое для индоевропейского периода. При этом производные значения, имеющие место в одной из групп, частично могут присутствовать и в другой группе, наряду с основным значением. Прежде всего это относится к индоевропейскому обозначению дерева. Первичное значение **dereu(o)-* 'дерево' сохранилось в славянских, а также хеттском, санскрите и германских языках, прасл. **dervo*, собир. *deruvje*, ст.-слав., болг. *дрeво*, с.-хорв. *дрvjeво*, словен. *drevō*, рус. *дерево*, чеш. *drevo*, польск. *drzewo* и т. д., хетт. *taru*, др.-инд. *daru*, гот. *triu* 'дерево'³². В армянском оно заменено другим словом *c'ar*, которое некоторыми исследователями, начиная с Х. Педерсена, возводится к и.-е. корню **ġers-* 'завивать, вить, куст, ветвь'³³. Однако Г. Б. Джаукян высказывает предположение о возможной связи арм. *cai* с урартским *zari/e* (*šari/e*) 'фруктовый сад, роща'³⁴.

Несмотря на то что первичное значение **dereu(o)-* 'дерево' в армянском не сохранилось³⁵, однако указанный корень дал в армянском многочисленные производные значения, для которых

²⁹ *Рокорну* I, S. 139; *Фасмер* II, с. 44.

³⁰ См., например: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 4—30.

³¹ Подробно см.: *Самвелян А.* Древняя армянская культура, ч. 1. Ереван, 1931, с. 210—211 (на арм. яз.).

³² *Фасмер* I, 502; *Рокорну* I, S. 425.

³³ *Рокорну* I, S. 609; *Ачарян* II, с. 446.

³⁴ *Джаукян Г. Б.* Урартский и индоевропейские языки. Ереван, 1969, с. 134, прим. 250.

³⁵ Происхождение арм. *an-tar* 'лес' нельзя считать окончательно установленным, хотя и были попытки возведения его к и.-е. **dereu(o)-*. В частности, Бугге объяснял арм. *an* в качестве приставочного элемента

прослеживаются параллели и в славянских языках. В качестве метаморфического обозначения из **dru-ra-mo* < **dereu(o)*- засвидетельствованы прилагательные: арм. *tram* 'крепкий', ст.-слав. *цъ-дрѣвъ*, болг. *здрав*, с.-хорв. *здравъ*, словен. *zdrav*, рус. *здоровый*, чеш., слвц. *zdravý*, польск. *zdrowy* и т. д. (ср. также др.-инд. *dhruva*, авест. *drva* 'крепкий, здоровый', лит. *drūtas* 'крепкий' и т. д.³⁶

От огласовки и.-е. корня **dru-* в армянском засвидетельствовано *targal* 'деревянная ложка'.

Подобный же переход 'дерево' → 'материал из дерева' обнаруживается и в славянских языках: болг. *дрѣва*, рус. *дрова*, чеш. *drvo*, польск. *drwa* 'древесина'³⁷.

В древнеармянском от указанного и.-е. корня имеются также и такие редкие слова со значениями, не засвидетельствованными в славянских, как *toṛn* 'пест' < **doru-*³⁸ и *torg* < **doru-* 'сеть паутины', причем в диалектах сохранились и такие значения, как: 1) ткацкий станок; 2) деревянная рама, на которую налагают нити при выделывании ковра; 3) кусок дерева круглой формы (мотвило, ворот)³⁹.

Л. Патрубани⁴⁰ возводит к и.-е. корню **dereu(o)*- также арм. *tereṽ* 'лист дерева', однако Гюбшман⁴¹ и Ачарян⁴² отвергают это сравнение, считая *tereṽ* заимствованием из сирийского языка (ср. сир. *teref*, при древнееврейском *terep* 'лист').

Интересен также случай, когда на основании одного и того же значения развились хотя и близкие, но не идентичные наименования. Хотя семантическое единство гнезда слов неоспоримо, со-

---

с собирательным значением *an* < **sm-*, восстанавливая праформу **sm-dəru-* (см.: Bugge S. Etruskisch und Armenisch. Christiania, 1890, S. 86); Ачарян I, с. 211.

³⁶ У индоевропейцев дерево было символом прочности, наделенное целебной силой. Так, у армян особо почитались деревья причудливой формы, древесину таких деревьев считали целебной и использовали как лекарство. Больные отрывали куски от своей одежды и вешали на дерево, чтобы их болезни перешли на него. Подобные обряды прослеживаются до настоящего времени (см.: Самеелян К. Указ. соч., с. 210—214). Аналогичные представления имеют место и у славян. Положительное значение сырого (зеленого) дерева как символа здоровья, жизни засвидетельствовано, к примеру, в одном из карпатских послепохоронных обрядов, когда обращаются к зеленому дереву со словами: *jakuj to derevo zdorovuj, taki i ty zdorovu* (см.: Иванюк В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, с. 148). Сходные обряды на славянской почве отражены и в гаданиях типа: ветвь не посохла — жива будет, ветвь посохла — будет жить бедно (при наряжении березки в первое воскресенье после Троицына дня) (см.: Шейн П. В. Великокорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1. СПб., 1898, с. 352).

³⁷ Фасмер I, 539.

³⁸ Ачарян VI, с. 120.

³⁹ Там же, с. 956—957.

⁴⁰ Patrubāny L. Sprachwissenschaftliche Abhandlungen, II. Budapest, 1908, S. 155.

⁴¹ Hübschmann H. Armenische Studien. Leipzig, 1893, S. 273.

⁴² Ачарян II, с. 873—874.

здается впечатление, что первичное значение, сохраняемое в точности в какой-либо языковой группе, в силу определенных причин (в частности экстралингвистических: изменения климатических условий, смены географической среды и т. д.) отклонилось в сторону, дав новые наименования в каждом из сравниваемых языков. Так, от корня **ei-* 'красноватый, пестрый'⁴³ еще в индоевропейский период были образованы основы *(*e*)*i-uo-* и *(*e*)*i-ya-* 'тисс', которые дали на почве отдельных индоевропейских языков самые разнообразные значения. В славянских языках и.-е. *(*e*)*i-ya-* обозначает иву — *Salix* и тисс — *Taxus*; ср. рус., болг. *ива*, с.-хорв. *ива*, словен. *iva*, польск. *iva* — *Salix*, при др.-чеш. *jiva* 'тисс'⁴⁴, аналогично ирл. *eo*, кимр. *yv*, брет. *ivin*, др.-в.-нем. *iwa*. В древнеармянском языке развилось новое значение 'виноградная лоза' — *aiḡi*, а также собирательное 'виноградник' (ср. с лат. *uva* 'гроздь, виноградная кисть, виноград').

По значению отдельно стоят балтийские и греческий языки: ср. лит. *ievà*, лтш. *iėvą* 'черемуха — *Prunus padus*' и греч., ὄα, οἴη 'рябина — *Sorbus*'⁴⁵.

В некоторых случаях нельзя с уверенностью говорить о генетических параллелях, так как отражение данного и.-е. корня в одном из сравниваемых языков вызывает сомнение. Так, например, и.-е. название березы — *Betula alba*, восходящее к и.-е. **bhereǵ-* 'белый, блестящий', имеет распространение как в славянских, так и в балтийских, индийском, иранском и германских языках: праслав. *berza (ст.-слав. бѣрѣза, болг. брѣза, с.-хорв. брѣза, рус. береза, чеш. bříza, польск. brzoza и т. д. во всех славянских), лит. *bėržas*, др.-инд. *bhūrja* 'вид березы — *Betula Vhojpatra*', др.-иран. *barza-*, др.-в.-нем. *birihha*, др.-англ. *beorc* 'береза'⁴⁶. Сюда же относится (с переносом значения) и лат. *fraxinus* 'ясень'⁴⁷. В. Георгиев⁴⁸ отмечает наличие и.-е. корня **bhereǵ-* и в фракийском на основании топонимических наименований Βερζανα, *Bersovia*, реконструируя фрак. *bersa-* 'береза'.

⁴³ Pokorny I, S. 297; Фасмер II, с. 113; Ачарян I, с. 166.

⁴⁴ О переносе значений 'ива' > 'тисс' см.: Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław, 1957, s. 61.

⁴⁵ Несомненный интерес представляет обстоятельство, что у армян, несмотря на то, что название ивы неиндоевропейского происхождения (*uḡeni*), в фольклорной традиции сохранилось почитание ивы как священного дерева, продолжающее индоевропейские представления, связанные с анимистическим отношением к деревьям. К примеру в Гохтани и Васпуракане известны даже священные ивовые рожи (см.: Самвелян А. Древняя армянская культура, с. 213). У славян аналог культа ивы обнаруживается в рождественских ритуальных обрядах, когда используются ивовые прутья, образуя культовые символы (например, у чехов *pomlázka*), см.: Лотебня А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. 1. Рождественские обряды. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, 1865, кн. 2, апр.-июнь. М., 1865, с. 185.

⁴⁶ Фасмер I, с. 154; ЭССЯ I, с. 202—203; Pokorny I, S. 139.

⁴⁷ Verneker I, S. 52; Walde I, S. 544.

⁴⁸ Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 119.

Отнесение некоторыми авторами арм. *barti* 'Populus pyramidalis тополь' к этой же группе пока нельзя считать вполне достоверным, некоторые авторы предполагают переход *ǵ' > t и восстанавливают праформу **bhrǵiio-*⁴⁹ (Г. Б. Джаукян), другие сравнивают с родственной названию березы праславянской формой *berstǵ — *Ulmus* (ст.-слав. *brstь*, рус. *берест* — *Ulmus campestris*, чеш. *břest* вид вяза — *Ulmus montana*, диал. *břest* бук — *Fagus*, польск. *brzost* — *Ulmus suberosa*⁵⁰) и восстанавливают праформу **bhrstiiā-*⁵¹ (Э. Лиден). Из этих двух предположений второе явно ошибочно: **bhrsti-ia-* дало бы в арм. *barsti*, а не *barti*. Первое же предположение следует считать более вероятным, если иметь в виду, во-первых, аналогичные случаи фонетического перехода и.-е. *ǵ > t (ср. и.-е. *aǵ-ro 'поле, нива' > арм. *art*; и.-е. **ǵelou-* 'золотка' > арм. *tal*; и.-е. **bhuǵ-* 'питать' > арм. *but* 'корм, еда', др.-инд. *bhuj* 'вкусать' и т. д.)⁵²; во-вторых, возможность переноса значения 'береза' → 'тополь' в силу того, что береза в естественном состоянии обитает в средней и северной зоне Европы. Следует заметить, что в армянских диалектах (карабах., мушк. и др.) имеется и специальное слово для обозначения березы *keçi*, которое употребляется и в современном литературном языке, в грабаре же данного слова не было.

Приведенный выше материал говорит о сохранении значительного количества (вопреки Мейе)⁵³ армяно-славянских лексических сходжений в области ботанических обозначений. Сюда входят как общеиндоевропейские названия, так и ареальная лексика. Часть из них представляют эксклюзивные армяно-славянские изоглоссы: ср. 1) арм. *koṭr*, слав. *голь* 'ветвь'; 2) арм. *elevin* 'ель, кедр', слав. *яловыць* 'можжевелик'; 3) арм. *kiv* 'смола', слав. *живица*. Из других параллелей, разделяемых армянским и славянскими языками, следует отметить обозначения мха, ясеня, желудя и, по-видимому, березы.

В ходе анализа прослеживаются интересные аналогичные типологические переходы в армянском, греческом и славянских языках; в частности, это наблюдается: 1) при образовании ботанических обозначений из и.-е. корней **bheu-* 'расти, развиваться, существовать' и **er-* 'подниматься, быть в движении'; 2) при образовании наименований отдельных видов растений, продолжающих и.-е. корни **aḱ-*, **ok-* 'острый', **uel-* и **uei-* 'вращать'; 3) в отражении и.-е. корня **dereu(o)-*: арм. *tram* 'крепкий', слав. *съ-дравъ*, 'здоровый'; арм. *targal* 'деревянная ложка', слав. *дърва* 'дрова'.

⁴⁹ *Ĵahukjan G. B.* — KZ, 1975, Bd. 89, S. 35.

⁵⁰ *Фасмер I*, с. 156.

⁵¹ *Liděn E.* — IF, 1892, S. 490 und f.; *Ачарян I*, с. 490.

⁵² Ср.: *Джаукян Г. Б.* Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967, с. 182—183.

⁵³ Ср.: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, с. 397.

Можно без колебания констатировать близость географической среды предков армян и славян с соответствующей экологической зоной (в частности, совпадения в названиях животных⁵⁴ и в ботанических обозначениях).

Данный вывод, основанный на лингвистическом материале, подкрепляется и экстралингвистическими (в частности, этнографическими) данными. Генетическая преемственность проявляется в целом ряде общих черт культовой роли растений, отражаемых и в армянской и славянской языковой традиции⁵⁵, что имеет большое значение как для этно- и палеолингвистики, так и для этногенеза и ранней предыстории армян и славян.

Г. А. Климов

НЕСКОЛЬКО КАРТВЕЛЬСКИХ ИНДОЕВРОПЕИЗМОВ

В настоящей статье в стороне оставлена значительная совокупность накопленных в специальной литературе 'картвельских лексем, часть которых еще с первой половины прошлого столетия внушала некоторым лингвистам гипотезу о возможности отдаленного родства между картвельскими и индоевропейскими язы-

---

⁵⁴ См.: *Сараджева Л. А.* Индоевропейская животноводческая терминология и ее отражение в древнеармянском и славянских языках. — ИФЖ АН Арм. ССР.

⁵⁵ Кроме вышеприведенных, следует отметить следующие аналогичные проявления ритуалов, связанных с растительным миром. У армян и славян почитаются, кроме деревьев, также и цветы. Особенно интересен мотив брата и сестры, прослеживаемый в армянской и славянской фольклорной традиции. У армян особо почитаемы роза и фиалка. Согласно старинным народным легендам роза (брат) и фиалка (сестра) связаны взаимной любовью. У славян подобные представления прослеживаются в почитании цветка Иван-да-Марья. Происхождение этого цветка объясняется в купальской песне как следствие нарушения брачного запрета между сестрой и братом. Эту песню поют в Купальскую ночь, пока не сгорит колесо и не потухнет костер (см.: *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродна, 1895, с. 120).

Следует также отметить и такой обычай, как гадание по цветам (славяне гадают на ромашке — *Anthemis romana*, у армян существует известный обычай *siri-siri* — гадание на трилистнике — *Trifolium*), и такой поэтический обычай, как употребление названий цветов в качестве женских имен.

Большое значение цветов и зелени прослеживается как в армянских, так и славянских ритуалах, отражаемых в народных праздниках: арм. *całkazard* букв. 'цветоукрашение' — 'вербное воскресенье', диал. *carzardar* 'деревцоукрашение'. Причем народ называет эти праздники праздником матери цветов.

У славян в подобных ритуалах девушку, с головы до ног украшенную зеленью и цветами, водят по селению (см. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей, с. 76).